

Цянь Цунлян впился взглядом в лицо, на котором даже при таком близком расстоянии невозможно было найти ни единого изъяна, в этот прямой и слегка мягкий взгляд, направленный на него. Он с досадой отвернулся. Ладно, черт с ним. Я бы лучше порадовался, если бы тебя пришибло небесной молнией или разорвало в клочья. Тогда бы Сяохуа вернул себе свое имя, а я наконец обрел бы покой!

Видя, как Цянь Цунлян упрямится, Первый снова потрепал его по голове, а затем притянул к себе, обнял и, автоматически подстроив температуру своего тела до максимально комфортной, произнес:

— Ты сегодня устал. Поспи немного, я разбужу тебя к ужину.

Изначально Цянь Цунлян, весь взъерошенный, пытался сопротивляться, когда его насильно утащили в объятия Первого. Он был твердо намерен вырваться из этих рук и уснуть, прислонившись к спинке сиденья. Однако, хоть Первый и был долгое время запечатан, по своей натуре он оказался существом темной стихии. В его объятиях Цянь Цунляна не трясло, и было совсем не жарко, а живая подушка оказалась куда удобнее, чем сиденья этого переделанного джипа. В итоге Цянь Цунлян мысленно презирал себя за слабость, но, крепко зажмурившись, бесстыдно прижался к Первому и отправился в объятия Морфея.

Первый, глядя, как Цянь Цунлян уткнулся в него и сладко спит, слегка скривил губы. Затем он положил подбородок на макушку этого белокочанного кочана, прислонился к спинке сиденья и тоже уснул. От Цянь Цунляна исходила некая духовная энергия, и чем ближе он был, тем комфортнее становилось Первому.

Когда двое, оккупировавшие последний ряд сидений, казалось, окончательно уснули, командир отряда Красный Волк и его бойцы, сидевшие впереди, переглянулись с дергающимися глазами, странными лицами и глубоким потрясением.

— Босс... этот кочан стал слишком податливым! Еще минуту назад упирался до смерти, а потом взял и сдался? — Старый Призрак с презрением посмотрел на своего командира, ожидая разъяснений.

Тот тяжело вздохнул:

— У этого кочана такой характер: перед лицом грубой силы он сначала сопротивляется, а если не выходит — сдается. Если бы он не сдался, мы бы все уже отправились к праотцам. Так что считайте, что он принес себя в жертву ради общего блага!

Даже если эти слова были лукавством, командир прекрасно понимал: Цянь Цунлян — их единственный кормилец в этом походе, к тому же рядом с ним теперь такой могущественный босс, с которым ни в коем случае нельзя ссориться. В конце концов, врать не мешки ворочать, максимум — потратишь немного слюны.

Услышав слова командира, остальные бойцы притихли. Малыш Ли, который спал в сейфе, посмотрел на мирную картину — Цянь Цунлян и Первый сидят в обнимку — и, полный

недоумения, спросил:

— Разве замкомандира не говорила, что они полюбили друг друга с первого взгляда? Мол, поэтому этот мужчина, совершенный во всех отношениях, и пошел с нами? При чем тут грубая сила?

В ответ все в машине посмотрели на Малыша Ли с сочувствием. Очкарик похлопал его по плечу и с чувством произнес:

— Ли, поверь мне, словам женщины верить нельзя — даже меньше, чем тому, что зомби не едят людей... особенно если эта женщина затаила на кого-то обиду.

Путь прошел без происшествий, и к вечеру, после того как Малыш Ли осмотрел окрестности, командир выбрал место для лагеря.

К этому времени все члены Красного Волка, включая командира, выглядели крайне изможденными. Первые потеряли много жизненных сил и весь день тряслись в машине, а второй взял на себя всю физическую работу по отбиванию от зомби. Поэтому после обустройства лагеря все позволили усталости взять верх.

Единственными двумя, кто выглядел бодрым и цветущим, были Цянь Цунлян и Первый. Цянь Цунляна Первый держал очень бережно, поэтому он почти не чувствовал тряски и проснулся лишь тогда, когда в небе засиял темно-золотистый серп луны. А стоило открыть глаза, как он увидел перед собой завидно идеальное лицо Первого.

— Тьфу, отвали от меня, господин! Иди строй глазки женщинам, я на это не ведусь! — Цянь Цунлян отпихнул голову Первого, выпрыгнул из машины и с наслаждением потянулся. Настроение поднялось! Ночь выдалась отличная, самое время для хого.

Видя, как все члены отряда смотрят на него голодными глазами, Цянь Цунлян, все понимая, достал из браслета груды редьки, капусты и картошки. Глядя на хищные взгляды наемников, он по-доброму похлопал Дао Лана по плечу:

— Командир, переедание вредит желудку, не объестьтесь там.

На это наставление командир предпочел не отвечать, а остальные лишь презрительно фыркнули. Ты что, думаешь, все такие же, как ты, с бесконечными запасами еды, кто каждый день сыт и при этом еще не оставляет мечты о мясе?! В наше время просто не быть голодным — уже великая удача! А этот тип еще и гневит небо своим благополучием!

Жуя редьку, капусту и картошку, наемники смотрели на Цянь Цунляна с нескрываемой злобой. Хм, вот закончатся твои запасы, посмотрим, как ты запоешь!

Цянь Цунлян, совершенно не подозревая, что стал объектом всеобщей ненависти, был в замешательстве.

Он смотрел на Первого, в глазах которого читалось нетерпение, и колебался, стоит ли пускать этого типа в свой браслет. Как-никак, их связывал какой-то дурацкий контракт, так что его можно было считать своим. Если такой отличный работяга погибнет из-за того, что внутри браслета его замучают, Цянь Цунлян понесет огромный убыток.

Но с другой стороны, если этот босс выживет и сможет жить там, как он сам, не станет ли его мир менее пустым и одиноким? Цянь Цунлян не слишком хорошо понимал природу своего браслета, который он получил и активировал совершенно случайно. Казалось, внутри был целый мир, но площадь его была не так уж велика: десять полей, одно озеро, изысканный домик, густые деревья неизвестных пород и пещера, в которую Цянь Цунлян никогда не решался зайти в одиночку, опасаясь ее бездонной глубины. Больше там ничего не было.

Такое место без зомби, тихое, безмятежное, где круглый год царила весна, было настоящим раем. В условиях внешнего мира, полного вирусов, мертвецов и погодных аномалий, оно казалось бесценным. И все же Цянь Цунлян почти никогда там не бывал.

Он лишь однажды заглянул в тот изысканный домик, но больше не возвращался. Потому что все внутри напоминало о горькой утрате: там все вещи были парными. Это постоянно напоминало Цянь Цунляну, что в тот самый миг, когда наступила катастрофа, он потерял всех родных и друзей. Больше не было никого, с кем он мог бы разделить этот райский покой.

А когда он, пройдя через все муки ада, выбрался из толпы зомби, ему стало еще труднее находиться внутри браслета. Тамшний уют был лишь временным. Он не знал, когда это место может исчезнуть. А если он привыкнет к безопасности, то, лишившись защиты, погибнет, так как у него не будет ни капли навыков для выживания.

Поэтому ему нужно оставаться в этом разрушенном мире, нужно постоянно видеть его жестокость и опасность, чтобы делать все возможное, лишь бы выжить. Цянь Цунлян прекрасно понимал, что он не герой, способный разрешить этот мировой кризис. Но он человек, и в апокалипсисе он видел слишком много разлук, слишком много проявлений как высшего зла, так и величайшего добра человеческой натуры.

На его взгляд, хотя человечеству еще есть над чем поработать, эта катастрофическая кара уже заставила людей осознать свои ошибки. Благодаря ей люди станут больше ценить то, что имеют, станут терпимее и сплоченнее. Поэтому, если кто-то найдет способ остановить кризис или ему самому потребуется внести свой вклад, он сделает все, что в его силах. Потому что он тоже хотел поскорее закончить этот кошмар и встретить новую надежду.

Цянь Цунлян погрузился в свои мысли, и это начало раздражать Первого. Мало кто осмеливался проявлять такую неучтивость в его присутствии. Хотя его эмоции редко были бурными, но почему-то рядом с этим глупым, но хитрым человечком они постоянно колебались.

Первый не знал, хорошо это или плохо. Он еще не вспомнил, кто он такой, но в глубине памяти всплывало, что эмоции были ему чужды. Возможно, эти колебания были чем-то новым, но вряд ли это было плохо.

— Ты еще не цел.

Эта фраза, полная сожаления, глубоко врезалась в его сознание и не исчезла даже после столь долгого заточения.

В глазах Первого мелькнуло недовольство. Он подошел к Цянь Цунляну, схватил его за лапу и спросил:

— Ты подумал?

Почувствовав, как воздух вокруг внезапно похолодал, Цянь Цунлян быстро пришел в себя и увидел перед собой безэмоциональное лицо мертвеца.

— Ну, это... конечно, я все обдумал! Ваша милость хочет заглянуть внутрь — это честь для меня! Счастливого пути, не провожаю! — Еще секунду назад он подобострастно улыбался, но на последних словах его лицо мгновенно изменилось. Глядя на пустое место, где только что стоял Первый, Цянь Цунлян злорадно ухмыльнулся: «Ах ты, решил напугать меня этой рожей? Я тебя так подставляю, что мало не покажется!»

Первый, застигнутый врасплох, оказался внутри браслета. В душе промелькнули гнев и усмешка — этот человечек и правда коварен, так быстро меняет маски. Но сейчас важнее было разобраться с ситуацией.

Перед ним были десятки разинутых пастей и град летящих бобов. Он слегка приподнял бровь, взмахнул правой рукой и отбил все снаряды. Что касается растений-людоедов, Первый холодно хмыкнул, и девять из десяти тут же отступили. Остался лишь один, который все еще агрессивно скалил пасть — конечно же, это был Сяохуа, у которого отобрали имя.

Первый взмахнул рукой, вырубил Сяохуа и, не спеша, уселся на бамбуковый стул ждать следующей атаки. Казалось, здесь не так уж опасно, как говорил этот глупец. Но в следующее мгновение он посмотрел на небо, и его лицо помрачнело.

Цянь Цунлян стоял на месте, не собираясь идти смотреть на шоу. Если Первый сможет там остаться — отлично, а если его там отделают так, что он вернется в жалком виде, а Цянь Цунлян при этом будет стоять и смеяться — не возненавидит ли он его до смерти? Лучше просто подождать результата.

Ожидание затянулось на час. Глядя, как наемники Красного Волка сидят с переполненными животами, Цянь Цунлян ехидно усмехнулся. Говорил же — не объедайтесь, теперь мучаетесь? Сами виноваты!

Хотя ночью выражения лица Цянь Цунляна было не разглядеть, наемники слышали этот издевательский смех. Каждый из них скрипел зубами, проклиная этого человечка, после чего покорно отправился спать в машины. Им было плевать, что он там делает, даже если он простоял на месте целый час.

Как раз когда Цянь Цунлян уже начал думать, что Первый там прижился, раздался грохот, и перед ним возник «черный человек» с опаленным лицом и в лохмотьях.

Цянь Цунлян разинул рот и, дрожащим пальцем указывая на Первого, взвизгнул:

— Как ты посмел уничтожить мою коллекционную боевую форму! А-а-а! Я тебя убью!

Впрочем, его атаку Первый легко пресек. Обняв Цянь Цунляна, он глубоко вздохнул и с удовлетворением расслабился. Духовная энергия этого человечка была очень похожа на ту, что была в браслете, и это шло ему на пользу. Но там действительно было опасно, ему не стоило оставаться там лишние полчаса.

— Час, — сказал Первый, прижимая Цянь Цунляна к себе.

— Час? Какой час? — Цянь Цунлян перестал брыкаться и попытался вникнуть в слова босса. Его глаза засияли. — Ты хочешь сказать, что можешь спокойно пробыть там час?

Первый кивнул:

— Могу поддерживать барьер. — Подумал и добавил: — Можно продлить.

Глаза Цянь Цунляна загорелись еще сильнее:

— То есть время пребывания там можно продлить по мере роста твоей силы?

Первый снова кивнул. Вдруг он подумал, что этот человечек не так уж глуп — по крайней мере, понимает его с полуслова. Потрепав его по голове, Первый почувствовал усталость.

— Спать.

— О, спать... спать тебе в дышло! Ты весь грязный, иди сначала помойся! — Цянь Цунлян оттолкнул его и с явным отвращением достал из браслета два больших таза с чистой водой. Хотя в озере не было рыбы, вода была кристально чистой, и он использовал ее и для питья, и для купания.

С удовлетворением наблюдая, как Первый поливает себя водой, Цянь Цунлян достал палатку и постельное белье. Раз их двое, спальные мешки не подойдут, пусть будет палатка. Он был на двести процентов уверен, что этот человекоподобный босс попытается отнять у него одеяло.

Когда Первый помылся, Цянь Цунлян закончил с палаткой и, повернувшись к мокрому боссу, бросил:

— Сними одежду, повесь на палатку, а потом спать. И да! Смотри у меня, не вздумай отнимать одеяло!

Глядя на то, как Цянь Цунлян воинственно размахивает руками, Первый невольно приподнял уголки губ. Сказал «нельзя», и я слушаюсь? В вопросе одеяла побеждает сильнейший, это закон природы.

Войдя в палатку, Первый увидел, что этот глупый человечек свернулся в клубок, занял самое место в центре и, выставив одну голову, подозрительно косится на него, словно боясь, что он отнимет одеяло.

Первый презрительно хмыкнул, подошел к нему абсолютно нагой, без тени смущения лег рядом и повернулся спиной.

Цянь Цунлян с недоумением смотрел на странно послушного Первого. Он не только не успокоился, но и перевел свою бдительность на максимум. Он ни на секунду не верил, что этот тип безобиден. Напротив, он был твердо уверен, что тот — коварный злодей до мозга костей.

Ага, он понял! Этот тип хочет усыпить его бдительность, а потом украсть одеяло! Решив так, Цянь Цунлян хмыкнул, намертво вцепился в одеяло и, не мигая, уставился на Первого. Он будет на чеку!

Но факты доказали, что Цянь Цунлян недооценил ситуацию.

Прошел целый час, глаза Цянь Цунляна уже начали слезиться от напряжения, но Первый, лежавший к нему спиной, не проявил ни малейшей активности. Это повергло Цянь Цунляна в уныние. А когда он увидел, как тело Первого слегка вздрогнуло от холода, чувство вины пересилило все, и он начал презирать себя.

Скрипнув зубами, он недовольно ослабил хватку на одеяле и, убедившись, что Первый все еще неподвижен, накинуд край одеяла на него. Подождав немного, он увидел, как Первый потянул одеяло на себя, укрылся большей частью и замер. Цянь Цунлян наконец успокоился.

Ну, этот парень еще вполне вменяем!

С этой мыслью Цянь Цунлян удовлетворенно, без всякой задней мысли, лег рядом с Первым и закрыл глаза. Однако он не знал, что, как только он затих, Первый, который до этого лежал спиной и сверкал глазами, ничуть не желая спать, на мгновение одарил его хитрой улыбкой, до боли похожей на чью-то, а затем закрыл глаза.

На следующее утро Цянь Цунлянь проснулся от холода.

Открыв глаза, он увидел, что этот злобный человекоподобный босс спит без задних ног с довольным видом, а сам он, весь съезжившись, забился в самый угол палатки.

В одно мгновение!

Этот вопиющий факт привел Цянь Цунляня в ярость. Он набросился на Первого, рывком вырвал одеяло и заорал:

— Ты среди ночи украл мое одеяло! Заставил меня мерзнуть всю ночь! Я тебя прикончу!

Он так и знал! Он знал, что этот гад не замышляет ничего хорошего! То, что он не двигался в первой половине ночи, было лишь уловкой, чтобы незаметно стащить одеяло под утро! И надо же было ему еще испытывать угрызения совести и самому укрывать этого паразита! Какой же он идиот!

Первому, у которого бесцеремонно отобрали одеяло, это не понравилось. Шум над ухом раздражал еще больше. Хотя он не проснулся окончательно, инстинкты сработали мгновенно: он схватил нападающего и одним движением перевернулся, придавив его к полу.

— Что ты делаешь?

Теплое дыхание коснулось уха, и Цянь Цунлянь вздрогнул. Его лицо вспыхнуло, он поспешно отвернулся и прошипел:

— Ничего! Слезай с меня!

Черт, он даже не ожидал, что попытка нападения провалится так быстро.

Но Первый, будучи могущественным боссом, не собирался слушаться этого человечка. Глядя на покрасневшие до корней уши и гладкую белую шею, он вдруг почувствовал странное напряжение внизу живота. Он нахмурился, не понимая, с чего вдруг возникло такое возбуждение, но, повинаясь инстинкту, не слез, а, наоборот, присмотрелся к бледной коже и, поддавшись внезапному порыву, слегка прикусил ее.

!!

Цянь Цунлянь почувствовал, как разряд тока пронзил его от шеи до самых пяток. Если бы его не придавил Первый, он бы уже давно вскочил, обматерил его и сбежал куда глаза глядят. Этот гад... он что, пристает к нему?!

— Ты... ты... ты! Слезай с меня! — Голос Цянь Цунляня дрожал, он начал отчаянно брыкаться

под Первым.

От этого брыкания в глазах Первого вспыхнул темный огонек, и он положил руку на шею Цянь Цунляна.

Холодная ладонь коснулась ключицы, и Цянь Цунлян едва не задымился от ярости. Поняв, что рука босса сейчас залезет под воротник, он в оцепенении впился зубами в шею Первого, а в следующую секунду исчез без следа.

— ...Убежал, — Первый смотрел на одеяло под собой, в его глазах мелькнуло легкое разочарование, но больше — недоумение. Почему он повел себя так импульсивно? Хотя он был запечатан, он должен был знать все, что знает человек, причем гораздо лучше любого обычного смертного. Он это четко осознавал, словно это знание было впечатано в его мозг с самого рождения. И все же он не мог объяснить этот внезапный порыв. Неужели это новая человеческая черта? Похоже, ему нужно восполнить пробелы в своих знаниях.

А Цянь Цунлян, сбежавший в пространство, стоял с пунцовым лицом, прижимая правую руку к месту укуса и скрежеща зубами. Этот мерзавец посмел приставать к нему с самого утра! Да еще и одеяло ночью украл! Это была личная кровная обида! Когда это Цянь Цунлян терпел такие унижения?! Если он не проучит этого гада как следует, то перестанет быть Цянь Цунляном — возьмет фамилию Цзинь!

Крики Цянь Цунляна в палатке, конечно, встревожили наемников Красного Волка, но даже при всем любопытстве ни у кого не хватило духу отодвинуть полог и посмотреть, что там происходит.

<http://bllate.org/book/22409/2352621>